

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

КЛАССИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

СТЕРВЯТНИКИ

Гуров

Николай Леонов

Стервятники

«ЭКСМО»

1997

Леонов Н. И.

Стервятники / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1997 — (Гуров)

На улицах Москвы совершаются наглые грабежи и жестокие убийства. Оперативники во главе с полковником Гуровым выясняют, что это «почерк» новой подростковой группировки, пытающейся утвердиться в криминальном мире столицы. В целях ликвидации банды «отморозков» Гуров внедряет в нее своего агента...

© Леонов Н. И., 1997

© Эксмо, 1997

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Николай Леонов

Стервятники

Пролог

Серебряков Кирилл Федосеевич, мужчина лет около пятидесяти, но уже пенсионер, полковник-артиллерист, уволенный из армии из-за травмы ноги, полученной на учениях, шел ненастным мартовским вечером по Якиманке, прогуливал своего пуделя. Серебряков любил своего не шибко красивого пуделя, возможно, и потому, что любить отставнику было больше некого.

Супруга скончалась еще прошлым летом, сын – капитан, служил в Ростовской области. Дочь вышла замуж и отбыла в жаркие страны по месту жительства черного мужа и нелюбимого зятя.

Полковника уволили, как он считал, из-за дурной привычки говорить начальству, что он думает, а не то, что генералы пожелают услышать. Но колено действительно побаливало, полковник шел, слегка опираясь на толстую сучковатую палку, полированную, с красивой накладной надписью о верной безупречной службе, о непреходящей любви офицеров полка, которыми он командовал в последние годы.

Об улице, по которой он шел, говорить нечего, каждый москвич Якиманку знает. В начале века улица считалась чуть ли не одной из заглавных в Москве, ну, в крайнем случае, третьей, после Тверской и Поварской. В былые времена особняки тут стояли богатые, сейчас они поблекли и облупились... Полковник те годы не застал, но из книг и от родителей слышал, что Якиманка считалась улицей почтенной, Ипатьевского особняка не имела, однако люди ее знали.

Сегодняшним вечером, да еще в морозящий дождь, она не выделялась среди сотен своих московских соседей, разве что тем, что по Якиманке не гремели трамваи да троллейбусы, которые выплевывали из себя измученных работой людей. Она не привлекала и провинциалов станциями метро.

Наш полковник шел по ней, родимой, изредка отбрасывая из-под ног мокрые и пожухлые листья деревьев, и рассуждал о том, что завтра непременно займется устройством на работу.

Русский человек любит начинать новую жизнь по-новому с завтрашнего дня или с понедельника, хотя и не ведает, чем закончится день сегодняшний.

Тимошка, так звали пуделя, куда-то подевался, и полковник начал его звать, поворачиваясь в разные стороны, когда из подворотни выскочила группа подростков, мгновенно заполнившая промозглую темень гиканьем и свистом.

– Вам бы тачанку, так натуральные хлопцы батьки Махно, – усмешливо сказал полковник, и звучали в его голосе не осуждение и не угроза, а обыкновенная зависть к молодости.

Пацаны, которым было лет по семнадцать-восемнадцать, восприняли оброненную реплику иначе, окружили прохожего. Один из них, не выделявшийся среди товарищей, недобро сказал:

– Чего, старый пень? А ну возьми свои большевистские слова взад!

– Гуляй, сынок! Тимоха, сукин сын, куда подевался? – вновь позвал полковник.

– С тобой вроде разговаривают! – Парень, явно вожак стаи, вошел в круг, и он, словно по команде, сомкнулся.

До этого момента полковник относился к происходящему несерьезно, даже с юмором. Но когда он увидел белые лица и пустые глаза нападавших, он испугался, затем разозлился и ударил главаря своей сучковатой палкой.

Полковник не знал закон улицы: если ударил, должен нападавшего «вырубить», тогда бы он сохранил шансы на жизнь. Уличная стая всегда труслива и, получив серьезное сопротивление, отступает. Но полковник все еще считал, что имеет дело с мальчишками, почти детьми, ударил вполсилы, раскровянил главарю лоб, парень даже не покачулся.

Полковник почувствовал удар в бок, не понял, что его ткнули ножом, и все еще считал, что дурацкую драку можно покончить миром.

– Ну все, спустили пар и хватит, – сказал он, получил удар под коленки, упал.

Подлетел пудель, тявкнул, даже схватил одного из парней за ногу, точнее, за штанину, парень нагнулся, поднял верного пса за загривок и воткнул ему в живот нож.

А лежачего хозяина били ногами, не пинали, били расчетливо, убивали.

– По почкам его!

– А я по печени!

– Что-то морда у него шибко гладкая, дай-ка я ему врежу!

Они даже не понимали, что быют труп, бросили на грудь бывшего отставного полковника безжизненное тело пуделя.

Думаете, побежали?

Главарь спросил:

– На чем мы закончили?

– Высоцкий, – ответил один из парней, а другой запел:

Я был душой дурного общества,
И я могу сказать тебе:
Мою фамилию – имя – отчество
Прекрасно знали в КГБ.
В меня влюблялася вся улица
И весь Савеловский вокзал,
Я знал, что мной интересуются,
Но все равно пренебрегал.

Глава 1

В кабинете начальника Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел России находились старые друзья, служившие некогда в МУРе. Генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов, ему недавно стукнуло 60, и полковники Гуров и Крячко. Они знали друг друга не один десяток лет, дружили домами, что не мешало им на службе соблюдать субординацию. Единственно, в чем они нарушали установленный порядок, когда не было посторонних, обращались друг к другу на «ты».

Генерал был невысок ростом, грузен.

Казалось, его лицо лепил то ли скульптор-неумеха, то ли изрядный юморист.

Половину лица занимал лоб, нос никакой формы не имел, глазки прятались под мощными бровями и смотрели оттуда, словно из норок, походил генерал на русского мужика. За такой простецкой внешностью прятался хитрый житейский ум, потрясающая память и огромный опыт розысника.

Станислав Крячко, лет сорока с небольшим, что называется, обладал внешностью заурядной, если бы не глаза, которые чаще бывали дурацкими, порой – насмешливыми, хитрыми, умными.

Лев Иванович Гуров, также сорок с хвостиком, был высок, атлетически сложен, лицом походил на наших предков, которых мы порой видим на старинных фотографиях, гравюрах и думаем, если такими были наши предки, то куда же все девалось? Стать, уверенность в себе, спокойный, порой насмешливый взгляд.

Гуров неизвестным способом все перечисленные качества сохранил, ботинки всегда сверкают, костюм элегантен, в глазах то ли вопрос, то ли легкая усмешка. Гуров с Крячко были в равных званиях, но по должности Лев Иванович был выше.

Итак, три друга собрались в генеральском кабинете, не ругались, чего за четверть века совместной работы не случалось, но говорили недоброжелательно. В основном беседа велась между Орловым и Крячко, Гуров по укоренившейся привычке стоял у окна и курил у открытой форточки.

– Петр Николаевич, извини покорно, – четко выговаривал Крячко, – но тебе, возможно, известно, что в Москве, кроме Главка, имеются райуправления и отделения милиции. И везде есть оперативники. Забили человека насмерть – трагедия, но ребенку ясно, что преступление совершила местная шпана. Участковые и оперативники тамошнего отделения знают такую публику в сто раз лучше нас.

Генерал сидел в кресле, прикрыв глаза, сцепив пальцы рук на животе, и явно Станислава не слушал, ждал, когда порох у него кончится.

Станислав решил передохнуть и возмущенно взглянул на Гурова, своего непосредственного начальника и друга.

Орлов сигнал «SOS» перехватил и ухмыльнулся.

– А я нарочно велел такие дела подобрать, в папку сложить, сюда принести. А то в последнее время все с банкирами да министрами занимаетесь, пора на грешную землю опуститься.

– Да, мы последние годы работаем с верхами, – возразил Станислав. – Но у нас и агентура, и связи там.

Орлов согласно кивнул, перелистал пухлую папку бумаг, лежавшую перед ним.

– Я не стану перечислять, сколько за последний год совершено уличных грабежей, изнасилований, немотивированных убийств. Вы полагаете, это дела воров в законе, крутых авторитетов?

Вчерашняя уличная шпана почувствовала нашу неорганизованность, бессилие, собрала свои команды и творит беспредел. И если мы не дадим ей по лбу, не проявим власть, то скоро

можно будет объявить Москву открытым городом, ввести комендантский час, осадное положение.

– Петр, ты прав, но решение принимаешь неверное. – Гуров погасил сигарету и сел на свой стул. – Каждый должен заниматься своим делом. Если в горах грозит сойти лавина и похоронить тысячи людей, бессмысленно вызывать на помощь мастеров-горнолыжников. Следует тряхнуть наших генералов, которые занимаются кадрами, поставить на их место профессионалов.

Те в свою очередь разгонят стада бездельников, курирующих райуправления и отделения. Следует создать армию оперативников, участковых, следователей, которые работают на земле, и они будут знать бритоголовых отмороzków в лицо и по имени, тогда наступит порядок. А мы вдвоем, – Гуров кивнул на Станислава, – ничего сделать не можем. И говорить об этом людей смешить.

– Лева, ты мыслишь правильно, а предлагаешь утопию. – Орлов приподнял папку с бумагами, отпустил, она грузно шлепнулась на стол. – По данному вопросу существует приказ первого замминистра, и твоя фамилия названа.

Если вы срочно не раскроете несколько уличных преступлений, сбудется твоя мечта, ты отправишься копать огород к отцу.

– Ну, пугать меня, Петр, не следует, – усмехнулся Гуров. – Рапорт я могу подать сегодня. И ты прекрасно знаешь, работу в Москве я найду дня через три.

– А три дня чего будешь делать? – наивно, с детским выражением на лице спросил Станислав.

– Ну, по русскому обычаю два дня буду с тобой обмывать покойника и плакать, день – баня, день – бассейн.

К тому времени друзья найдут мне местечко, где я буду получать больше, чем министр, и работать по свободному расписанию.

– Вроде нас трое, – сказал Орлов. – Значит, меня вы бросите? – вроде бы жалобно спросил генерал, да так достоверно, что даже Гуров обманулся. Орлов по-блатному цыкнул зубом и продолжал: – Вы, пацаны, будете на этой делянке пахать, пока меня на пенсию не выпихнут. А ты, Лев Иванович Гуров, опосля в энто кресло сядешь, узнаешь, сколько кровушки вы из меня выпили. Я озабочусь, и твои фокусы о чьем-то неумении руководить – не пройдут, найду человека, которого ты слушаешь.

«Это он моего отца имеет в виду», – понял Гуров и загрустил, знал, что против отца никогда не пойдет.

– Ты умен, но политик херовый, – в глазах генерала плясала усмешка. – Ты предлагаешь совершенно верную реорганизацию милиции. Люди устали от перестроек, власти знают, хотя бы кусок народу надо бросить сегодня. Поэтому тебя, сыщика от Бога, заставляют улицы подметать. Ты возьмешь метлу и пойдешь на улицу. Все! Совещание закончено. Уйдите добром, а то выгоню.

Генерал взял со стола папку, протянул Гурову и, когда офицеры уже были в дверях, обронил:

– Начальник МУРа, руководители прочих милицейских подразделений поставлены в известность, людьми вам помогут.

Крячко повернулся, вытянулся, даже щелкнул каблуками.

– Спасибо, господин генерал-лейтенант. Я знаю этих людей. Коли зарежут, соблаговолите над ящиком пару слов сказать, – Станислав закрыл двойные двери и одними губами матерно выругался.

Секретарь Верочка, прекрасно зная о дружбе генерала с сыщиками, проводила их удивленным взглядом.

Кабинет Гурова и Крячко находился рядом. Когда они вошли, Станислав чуть не заорал:

– Где твой знаменитый норов, гений?

– Побереги силы, Станислав, – холодно ответил Гуров. – Иначе у тебя весь пар в свисток уйдет.

– Ты понимаешь, кого нам дадут в МУРе и в других подразделениях? – ехидно поинтересовался Станислав. – Каждый хозяин сводит на сторону людей бросовых либо давно обезножевших, пьяниц да дураков.

– Они могут выделять кого угодно, но я возьму лишь тех, кто пашет, – ответил Гуров. – Ты слушал, да не понял, что нам с тобой власть отдали. А за власть, дорогой мой, люди головы кладут. А нам насильно ее всучили.

– А в заклад взяли наши головы.

– Не головы, только погоны. Хватит дискутировать, давай читать эту макулатуру. Начнем с убийства отставника и пуделя. Садись, – Гуров указал на кресло Станислава, которое стояло за столом, расположенным напротив. Столы сыщиков упирались лоб в лоб у единственного окна кабинета.

Станислав с тяжелым вздохом опустился на свое место. Гуров раскрыл полученную у генерала папку, разделил лежавшие в ней материалы примерно поровну, протянул пачку другу, сказал:

– Просмотри, затем поменяемся.

Некоторое время они читали документы, чувствовалось, что некоторые заявления были припрятаны в отделениях, работа по ним не велась, на милицейском жаргоне это были «глухие висяки», то есть дела безнадежные, которые не регистрировались, чтобы не гробить и без того безрадостную отчетность.

В основном сыщики читали об убийствах на улицах, разбоях, грабежах, нанесении тяжких увечий. Бумажки были подколоты скрепками, содержали заявления потерпевшего, если он остался жив, либо заявления родственников убитого; редко – протокол осмотра места преступления, еще реже – опрос одного-двух свидетелей, которые «чего-то такое видели или слышали». Ясно, что достать такие материалы из записок оперативников было делом непростым.

В старые времена за одно подобное укрывательство вкалывали «строгача», выносили служебное несоответствие, а то и выгоняли со службы. После Афганистана, Чечни выяснилось, что никто ни за что не отвечает, спрятать заявление в отделении милиции стало делом если не обыденным, то и не слишком скандальным. Уличенные оперативники, не смущаясь, отвечали, мол, вы с генералами и сотнями трупов разберитесь, опосля снимайте с меня шкурку, что не передал заявление в прокуратуру по столь «громкому» делу.

Однако, читая заявления и скудные бумаги, опытные сыщики прекрасно понимали, что начальству пришлось крепко надавить, требуя от оперативников расстаться со своими записками.

Гуров и Станислав обменялись папками, прочитали все, взглянули друг на друга и долго молчали. Одно дело читать ежедневные сводки о совершенных преступлениях, совершенно иное – ознакомиться с таким количеством убийств, разбоев, изнасилований, когда они собраны вместе.

– Да, Лев Иванович, снялись мы с «земли», окопались в высоких кабинетах, стали большими начальниками, – произнес наконец Станислав, растянув последние слова до предела, – и беды, горе людское остались где-то вдалеке.

Гуров смотрел задумчиво и равнодушно, не отвечал. Станислав согласно кивнул и продолжил:

– Известно, молчание – золото... Творится беспредел, но ты был прав, заявив Петру, что нам с тобой лавину не остановить. Повторяю, отделения, да и МУР, дадут нам ребятишек бросовых. А тут по каждому заявлению следует хотя бы подозреваемого определить, свидетелей найти. Сегодня человека, готового дать показания, в ментовку только в наручниках доставить

возможно. А если и удастся, то человек после нашего душевного разговора из Москвы умотает, и я его понимаю. У каждого лишь одна жизнь, да еще семья.

– До чего же ты умный, Станислав, – Гуров скупно улыбнулся. – Был такой тщеславный парень, вырос, философом стал. – Он помолчал, прикурил сигарету. – Мы не только перед данными людьми в долгу, но и Петру кое-чем обязаны. Когда требуется, он нас покрывает, и раз такую кучу дерьма вывалил, значит, его за горло взяли, и мы вынуждены соответствовать. Найди Валентина и Григория, завтра поутру я их жду.

Валентин Нестеренко и Григорий Котов, отставники-менты, опытные сыщики, работали с Гуровым по нескольким делам. Но то были дела миллиардеров, и услуги сыщиков оплачивались клиентами в валюте частным образом.

И это являлось не частной халтурой – приработком, а делами официальными.

Богатые люди обращались в Администрацию Президента, затем к министру и получали лучших специалистов. Получать с миллионов деньги на работу и покупку дополнительного транспорта и техники было делом нормальным. Тогда и приглашались Нестеренко и Котов, им хорошо платили, они отлично работали. Сегодняшнее дело не заказывалось банкирами, сулило лишь бессонные ночи, возможность схватить пулю или нож, все за бесплатно.

Станислав взглянул на Гурова удивленно, послушно раскрыл записную книжку.

Гуров позвонил Орлову, получил разрешение обратиться к первому заместителю министра. Генерал даже не поинтересовался, зачем сыщик лезет в верха, дал добро и положил трубку. Тогда Гуров позвонил в приемную генерал-полковника, представился и попросился на прием. После небольшой паузы, видимо, адъютант согласовывал вопрос с шефом, сыщику ответили, что в ближайшие двадцать минут высокий генерал свободен и, если полковник успеет... Гуров заверил, что успеет, кивнул Станиславу и выскочил из кабинета.

...Генерал-полковник Василий Семенович Шубин был молод, чуть за сорок, то есть ровесник Гурова, подтянут, появился в министерстве недавно, курировал Главк угро, в деле, естественно, не понимал, но сыщик ему симпатизировал, хотя, в принципе, блатных начальников на дух не переносил. Ну за какие заслуги в таком возрасте можно получать подобные звания и должности? С Президентом водку пить и в баню ходить? В домино с Премьером играть?

Но, видимо, оттого, что самого Гурова никакими калачами на высокую должность было заманить невозможно, да никому и в голову подобная мысль прийти не могла, сыщик большим генералам не завидовал, скорее жалел их, и к новому заму относился с симпатией. Человек в суть незнакомого дела не лез, нравочений не читал, глупых советов не давал, – не большой генерал, а мечта любого работника.

Шубин встретил Гурова в центре своего большого кабинета, пожал руку, жестом пригласил за стол для совещаний, где стояли две чашки кофе, вазочка с печеньем и пепельница. Прием демонстрировал, что Гурова знают и ценят, что было сыщику приятно.

– Курите, Лев Иванович, я сейчас на весь день уеду, проветрят. Понимаю, задание мы вам поручили паршивое, но такова селяви. Во-первых, мы обязаны уличный беспредел остановить, да и мэр наш хотя и мужик настоящий, а нажаловался Самому, – Шубин ткнул пальцем в потолок, – мол, милиция совсем мышей не ловит. Дальше пояснять не надо. Громовержец, он и есть народный избранник, человек решительный, особо когда оплеуху надо выдать лицу, никем не защищенному. Министру врезали, он мне отпустил, я вашего шефа вызвал, в результате вам тачку дали. – Он тихо рассмеялся, покачал головой. – Интересно мир устроен.

– Я, уважаемый Василий Семенович, считаю, что в конкретном случае все по справедливости, – ответил Гуров. – И людей необходимо защищать, и волю Президента следует выполнять.

Однако мне деньги нужны. Помощь столичных ментов – хорошо, но двух сыщиков я из отставников хочу привлечь, да и на оперативную разработку дензнаки необходимы. Рынок, за бесплатно сегодня ничего не получишь.

– Естественно, подайте рапорт на имя Петра Николаевича, я резолюцию наложу и прослежу, чтобы бумажка в канцелярии не затерялась, – сказал Шубин, взглянул на часы и поднялся. – Завтра вы деньги получите.

Гуров вернулся в свой кабинет, на вопросительный взгляд Крячко жестом показал, мол, порядок, сел за стол, позвонил начальнику МУРа.

– Юрий Петрович, раб Божий Гуров пристаёт, как у вас там жизнь молодая?

– Здравствуй, Лев Иванович, – ответил Зимин, – так понимаю, что содержимое наших конюшен тебе вручили? Поздравляю.

– Спасибо, я тебя тоже люблю. Ты, наверное, слышал, я пару дней на Петровке служил. Так знаешь, в дни моей молодости мы свою работу в министерство не спихивали. Тогда из Главка можно было только по шее получить. – Гуров сделал паузу.

– Слушаю тебя, Лев Иванович, слушаю, – устало произнес Зимин. – Ты давно на земле не работал?

– Если ты имеешь в виду отделение, то уже забыл, годы, коллега, годы мои не те, – ответил Гуров. – А что касается клиентуры, то общаюсь с ней постоянно.

– Наслышан. Короче, тебе нужны люди. Могу тебе по старой дружбе собрать человек десять-двенадцать. Тебе обязательно с Петровки или можно привлечь ребят с районов? – спросил муровец.

– Если я буду проводить общегородскую операцию, понадобятся минимум человек двести. А для повседневной работы мне нужны два-три мужика. Только не дворняжки, даже не овчарки, мне нужны волки. Лучше дай одного, только матерого.

– Да где же я возьму? – возмутился Зимин. – Я понимаю, кто тебе нужен. Таких на весь МУР пять-шесть человек. Какой же начальник отдела мне такого «волка» отдаст?

– А ты обратись к начальнику МУРа, пусть он власть применит, – пошутил Гуров.

– Я с ним посоветовался, он говорит, что отделы разорять не вправе, люди не поймут, – совершенно серьезно ответил Зимин.

– Тогда извини, дворню я сам наберу. Я тебе, дорогой, не угрожаю, лишь ставлю в известность. Ты на мой итоговый рапорт не сердчай, лишнего не скажу, но и врать не стану, – сухо произнес Гуров и положил трубку.

Станислав, слушавший разговор по параллельному аппарату, скривившись, сказал:

– Коли начальник не может, чего от оперов ждать? В наши годы Турилин сказал, ты повернулся и пошел. И начальник отдела рта не откроет.

– Не брюзжи, Станислав. В наше время никому в голову не могло прийти убийство укрыть, оно было событием, а сегодня убивают, словно в прифронтовой полосе. Нет у него людей, молодец, что не врет, и я зря трубку бросил, пригрозил, – Гуров вздохнул. – Ты прав, мы слишком большими начальниками стали. Однако нам как минимум еще один человек необходим. Где взять?

– Позвони Георгию, он тебе должен, – сказал Станислав.

– Кому? – прикинулся беспмятным Гуров.

– Тулину. Который тебя в Троицком прошлым годом чудом не порешил, – серьезно пояснил Станислав.

Крячко сам любил подшутить, но на придурковатость со стороны реагировал замедленно.

– А удобно? – Гуров почесал седой висок.

– Он тебя ликвидировать нанялся, ты его от тюрьмы спас, обратиться за помощью, конечно, неудобно, – запоздало врубился Станислав.

– Рискнем. Пошлет – пойду. – Гуров снял трубку, позвонил Георгию Тулину, пригласил заглянуть вечером на рюмку чая.

– Слушай, командир, – ответил Тулин. – Я тебе, безусловно, должен, но подписываться в твои дела втемную не собираюсь.

– Какая темная, Георгий? – удивился Гуров. – Абсолютно светлая, прямая дорога, простреливается со всех сторон. Мне по той дороге необходимо пройти. Желаеть – шагай рядом, не желаеть – гуляй по грибы.

– И когда тебя убьют? – Тулин вздохнул, постучал пальцем по мембране, пояснил: – По дереву стучу, такая шуточка у нас в Афгане бывовала. Значит, к тебе домой часам к восьми?

– Договорились. – Гуров положил трубку.

Станислав оттопырил большой палец, кивнул:

– Таких бойцов сейчас днем с огнем не найти. Я молодец, напомнил.

– Спасибо, знаешь, у меня из головы вылетело.

– В форточку, – поддержал Станислав, которому отлично было известно: Гуров должников своих никогда не забывает.

Он, словно скупой рыцарь, собирает людей поштучно, и никто с Гуровым не может сравниться в умении подарить человеку свободу, порой жизнь, не обмолвиться, что дается на время, а в нужный момент получить с должника с процентами. Потому сыщик Гуров был так силен: талант талантом, но команда у него всегда была выше классом, чем у противника.

Гуров наблюдал за другом с легкой улыбкой:

– Это не я придумал, в Библии написано: «время разбрасывать камни, время собирать камни». Я Библию не читал, за точность не отвечаю, но смысл передаю верно.

– Философствуешь. – Станислав ухмыльнулся, приподнял лежавшую на столе папку с бумагами. – А ведь материал мы получили страшненький: немотивированность многих преступлений, их разбросанность по городу. Я сделал пометки на карте города, они дают возможность предполагать, что это не единая группировка, а некая нечеловеческая общность. Так что их не подагентурить, не разработать и на горячем не взять. И доказательства по каждому фигуранту дохлые. – Он схватился за голову. – В случае удачи мы возьмем троих-четверых, но в принципе картина в городе не изменится.

Гуров согласно кивнул.

– Здесь требуется иное решение. И не спрашивай меня – какое, так как я сейчас не знаю. Известно, все начинается с дорог. Я поехал, встречу с людьми, которые, возможно, смогут помочь.

* * *

Мастеровой Митька Хромой при всех властях в свободное от зоны время сидел в подвале вблизи рынка, был мастером на все руки. Он мог починить модельные туфли, «взглянуть» на старинные часы, изготовить ключи для сейфа.

Было ему сильно за сорок, седая голова, изборожденное морщинами лицо, и никаким «Митькой» он не был, являлся крупным авторитетом среди блатных разных мастей, сам участия ни в каких делах не принимал, знал, что еще одной ходки ему не одолеть. К нему приходили за советом, приглашали третейским судьей.

Гуров вышел на Хромого, когда работал по убийству Игоря Турова, уж очень профессионально были изготовлены оставленные в сейфе ключи. Оказалось, что ключи изготовил помощник Митьки, бывший мент, Сергей Бестаев, которого можно было привлечь за попытку или соучастие, но Гуров Бестаева не тронул, законсервировал, решив, что когда-нибудь грамотный опер и свой среди преступников человек может понадобится.

Сыщик оставил машину в квартале от рынка, прошелся, сел в чебуречной так, чтобы была видна дверь в подвал, съел чебурек, выпил банку баварского пива, закурил. Через некоторое время в дверном проеме обрисовалась фигура Бестаева. Он снял плотный фартук, повесил на гвоздик, вытер руки ветошью, направился к чебуречной.

Увидев Сергея, хозяйка наложила в тарелку горячих чебуреков, выставила две банки пива. Бестаев кивнул, хлопнул женщину по тугому заду, забрал тарелку и пиво, двинулся на выход, но Гуров вытянул ногу, преградил дорогу.

Сергей, не поднимая взгляда, укоризненно покачал головой, был он парень крепкий, хорошо обученный, потому спокойно поставил тарелку и банки на пустой столик, развернулся, привычно расслабился, но Гуров ногу убрал и тихо сказал:

– Привет, Сережа. Присядь.

Бестаев беззвучно выругался, вслух сказал:

– С утра день не заладился. А когда в отношении меня дело прекратили, я сотню баксов против бумажного рубля мог поставить, что скоро вас увижу.

– Не гневи Бога, не так уж и скоро, – ответил Гуров.

– Чебуреки Хромому отнесу и вернусь, а то отравы остынет.

Гуров скупно улыбнулся, проводил Бестаева взглядом, подумал, вот живой пример миллионного руководства. Из хорошего оперативника благодаря самодеятельности изготовили квалифицированного преступника. В том, что за Бестаевым имеются не только ключи от сейфа, сыщик не сомневался, иначе Хромой его рядом бы не держал.

Через пару минут Сергей вернулся, обжигаясь, съел два чебурека, вытер об засаленные штаны пальцы, чмокнув, открыл банку пива.

– Ну, слушаю. – Радости в его голосе не прозвучало.

– Я без дела, шел мимо, вспомнил, решил узнать, как живешь, не женился ли случайно.

– Господин полковник, вы, видно, ошиблись дверью, дураки обитают по соседству, – хмыкнул Сергей. – Я в консерваторию не хожу, давайте без прелюдий.

– Не веришь ты в искренность людей, плохо. Ты у меня не занимал, ничего не должен, Сережа, – Гуров поднял на собеседника ясные голубые глаза. – У тебя трехкомнатная квартира на Тверской, парень ты видный, от девушек наверняка отбоя нет. Вот я подумал, может, женился.

– Я холостой, Лев Иванович, здоровье в порядке, девушки имеются, так что эту часть разговора считаем закрытой. А ясный взгляд и тихий голос Гурова известен, так что не стесняйтесь переходить к существу.

Гурову очень хотелось поговорить с парнем, но сыщик чувствовал, Бестаев напряжен, взвинчен, разговор не получится, потому сказал:

– Ты отойди из мастерской на часок, мне необходимо с Дмитрием потолковать. Лады?

Сергей выпил пиво, расслабился, вытер рукавом лицо, кивнул.

– Это можно. Вы птица большого полета, но не собираетесь ли вы Хромого вербовать?

– Я в жизни и падал, и по голове били, однако мозги целы, Сережа, – улыбнулся Гуров. – Да я и в принципе вербовку не одобряю, ты же сам был опером, знаешь, силой в нашем деле ничего, кроме неприятностей, получить нельзя.

– О чем же вы с Хромым толковать собираетесь? – В голосе Сергея звучал неподдельный интерес и, как показалось сыщику, некоторая обида, что важняк из Главка хочет разговаривать с Хромым, а ему, бывшему менту, туфту гонит.

– О чем беседа будет, ты у Хромого сможешь узнать. А мне ты скажи: в тюрьму не боишься устроиться? – Гуров посмотрел проникновенно, словно разговор шел о возвышенном, заметил, как метнулись зрачки собеседника, понял – парень судорожно просчитывает, что конкретно стало известно «конторе».

– Нормальному человеку страх очень даже ведом, ничего не бояться только дебилы. Я в своей жизни столько раз пугался и мандражил, не счесть.

Гуров вновь закурил и задал неожиданный вопрос:

– А вечером по улице ходишь спокойно, тебя молодые «отморозки» не достают? Они же стаей налетают, пушку достать не успеешь, да ты без дела оружие и не носишь? Или не так?

– В вашей «конторе» ментов в достатке, но вы по коридору идете спокойно, вас каждый в лицо знает, – усмешливо ответил Сергей. – Меня округе тоже в лицо знают.

– Как я понимаю, у такого воронья стаи нет и город не поделен, мигрируют и творят беспредел?

– Господин полковник, бьете по больному. Сам Капитан от этих подонков в голос кричит. А что с ними сделаешь? Ни организации, ни цели, – только ограбить, разбить, замочить. По одному вылавливать, так другие дела имеются. Потом, они тупые, однако памятливые. Мы одного их парня, когда он пытался с нашего клиента мзду получить, помяли, он позже в больнице откинулся. Так они в наш кабак человек двадцать завалились и трех наших парней замочили. Так что, им войну объявлять? «Стрелку» назначали, хотели миром договориться, не приходят. Мы их и не знаем толком. Точно известен Толик Агеев, спортсмен, интеллигент, вроде у них в авторитете. Разведка у нас, господин полковник, хорошо работает.

– Чего в свои руки не возьмешь? – осуждающе спросил Гуров.

Бестаев наконец понял, что наговорил лишнего, и подал назад:

– Я обыватель, к группировке не принадлежу, слухи пересказываю, через наш подвал сотни людей проходят.

– Ясное дело, – доверчиво согласился Гуров. – Ну ты скажи Хромому, мол, отойти требуется. А я к нему спущусь.

* * *

Митька получил кличку, так как при ходьбе одну ногу слегка приволакивал, в принципе был здоров необычайно, единоборствами не увлекался, ребром ладони доски не рубил, но ударом кулака мог человека отправить в реанимацию. Дальнейшая судьба такого человека зависела от природы и искусства врачей.

Когда Гуров спустился в подвал, хозяин сидел на своем месте и под сильной лампой разглядывал только что собранный бильярдный кий, любовно оглаживая его широкой ладонью. Сыщик поздоровался, хозяин кивнул, головы не поднял, показал на табуретку, недовольно сказал:

– Присядьте.

Сыщик сел, оглядел подвал, в котором бывал и ранее, подумал, наверняка в глубине за верстаком имеется запасный выход. Интересно, куда ведет? В каких отношениях хозяин с начальником местного угро? Не агент, но неугодных время от времени наверняка сдает.

– Ну, здравствуйте, Лев Иванович, давненько не заглядывали.

Хозяин поставил кий в угол.

– Здравствуйтесь, Дмитрий Дмитриевич, как здоровье? – ответил Гуров.

Хозяин оперся сильными ладонями на колени, нагнулся к сыщику, ответил:

– Никогда не жаловался, сейчас похвастаться не могу, – он вздохнул. – Прошлым годом полтинник отметил, словно сглазили меня. Падла, вроде и жить не начинал, а уже под горку поехал, несправедливо.

– Я тебе, Митя, слов говорить не буду, ты уже большой, умный, – спокойно произнес Гуров. – В пионерах мы утверждали, мол, человек сам кузнец своего счастья. Если с лозунга пафос содрать, останется правда. Как ни крути, человек свою судьбу решает сам.

Мешают ему изрядно, известно, жизнь – борьба. Я тебе, признаться, удивляюсь, Ты мужик сильный, цельный, а встал раком и так прожить хочешь. Двум богам не служат, Митрий. Я тебя к себе не тяну, да тебе у нас и делать нечего. Но желаю, чтобы ты нравственно определился. – Сыщик кивнул. – Я понимаю, что разговорный жанр самый легкий и ничего нового ты от меня не услышишь. Что делать, истина скучна и однообразна, а ложь разнообразна и весела. Хочешь ты, не хочешь, обязан определиться, к берегу пристать. Я взрослый, многоопытный

сыщик, Митя, в стукачи не зову, только тебе определиться надо, для себя, для твоей души. Потому тебе после полтинника и не заладилось. Ты своей жизнью недоволен, а признаться в этом не желаешь. Ты что, полагаешь, я не знаю, сколько ты на нарах прожил и в каком ты авторитете? Знаю, Капитан, который во главе местной группировки стоит, плевать твоего не стоит.

– Лестишь, господин полковник, – хозяин смахнул со лба капельку пота. – И ошибаешься, Николай не дурак, далеко не дурак.

– Я с ним из одного котелка не ел. Но если он умный, как допустил, что пацаны бритоголовые в его владениях беспредел творят? Он с людей деньги берет за покой и безопасность, а не за то, что вечером и в темном переулке и в главном кабаке господина Фролова Семена Васильевича спокойно отдохнуть невозможно. Приходят добры молодцы лет осмнадцати, громят, убивают, троих мужиков из группировки твоего Капитана жизни лишили. Я тебе нравоучений не читаю, но, если бы моих ребят убили, я бы тех убийцев под землей нашел и на столбах развесил без суда и следствия. Это говорю тебе я, человек служивый, а Капитан, или по паспорту Иванов Николай Семенович, «стрелки» назначает. А молодые на его предложение кладут с прибором. Да какой после этого у твоего умного Николая авторитет?

– Откуда ты все знаешь, Лев Иванович? Словно живешь с нами? – удивился Митрий.

– Я опер-важняк, мне казна платит, мне все знать положено, – ответил Гуров, который к только что полученной информации от Бестаева присоединил информацию, добытую райуправлением по борьбе с оргпреступностью, добавил чуть фантазии и выдал как давно известное.

– Авторитет у Николая имеется, но ты прав, Лев Иванович, кровь своих товарищей прощать негоже.

– Я вас на расправу и войну не толкаю, – быстро перебил Гуров. – Как тебе жить без подсказки, решишь, у меня к тебе просьба.

– Чем могу в рамках закона. Ты в своих рамках, я в своих, мы уважаем друг друга. Без стакана говорю, я таких ментов и не видел никогда. Говори. – Митрий склонил седую голову.

– Устрой мне встречу с Капитаном, поговорить требуется. Передай, что я о нем все знаю, разговор ничем не повредит.

– Можно. Как ты мыслишь устроить? – спросил Митрий Хромой.

– Просто. Оговори день и час, встретимся у Семена Васильевича в «Фиалке». Секретного в разговоре нет, пусть его люди знают, противники могут встретиться и по рюмке выпить, может, меньше крови прольется.

* * *

Георгий Тулин, в прошлом офицер ВДВ, прошел Афганистан, на гражданке его никто не ждал, помыкался недолго и попал в руки верхнего эшелона московской мафии, где из него решили изготовить киллера. Ему не повезло, а возможно, и повезло: первый заказ он получил на устранение полковника Гурова. Произошло все больше года назад. Гуров в перекрестие оптического прицела не пошел, а явился в пустой дом, где расположился снайпер, с обратной стороны. Между ними произошла схватка, которую сыщик практически проиграл, буквально за секунду до потери сознания он нащупал наручники, ударил, и ситуация перевернулась. Он никогда не держал зла на людей с «другой стороны», особенно если они были изувечены Афганистаном, теперь Чечней. Считал, что перед ними Россия в долгу, личные счета сводить с таким человеком безнравственно, да и непрофессионально. Классные специалисты всегда ценились, а сажать их в тюрьму так просто преступление. Главное, что на человеке крови, пролитой на гражданке, нет, а что он пытался убить Гурова, так это личное дело сыщика и афганца и прокуратуры не касается, тем более, если честно сказать, покушение не доказывалось, судебной перспективы не имело. В тот год Георгия Тулина арестовали сгоряча за хране-

ние огнестрельного оружия, подержали за решеткой и выгнали на все четыре стороны. Гуров его встретил, ни слова о возможном сотрудничестве не сказал, но афганец был парень битый, тертый, и когда, прощаясь, сыщик между прочим сказал, что, возможно, они еще встретятся, афганец, опытом жизни убежденный, что просто так человеку свободу не дарят, понял, что полковник объявится и второе отделение состоится.

Когда вчера Гуров позвонил, несостоявшийся киллер не удивился, скорее вздохнул облегченно. Так человек, ожидающий приема у зубного врача, переступает порог кабинета мужественно, зная, что никуда от зубодера не денется, И чем раньше он тобой займется, тем быстрее ты с чертова кресла поднимешься.

Крячко на кухне варил картошку, Гуров и Тулин курили у открытого окна в гостиной. Они были похожи ростом и фигурами, афганец был шире в кости, казался мощнее, как убедился в свое время сыщик, внешность Тулина соответствовала действительности. Сухой, длинноногий и широкоплечий, он был ловок и быстр, главное, навыки рукопашной были приобретены не в спортзале, а в схватках за жизнь.

– Работаю инструктором рукопашного боя с курсантами высшей школы милиции, платят копейки, – рассказывал Тулин. – Но два раза в неделю я тренирую охранников финансовой корпорации, на жизнь хватает.

– Не женился? – спросил Гуров. – Детей нет?

– Я вас, господин полковник, на двенадцать лет моложе, – ответил Тулин, – успею.

– Дай Бог, – Гуров кивнул. – Я хочу тебя пригласить не в Афган или Чечню, но и не на гулянку, холостой – это хорошо. Ты с блатной молодежью знаком?

– Частично, приходят на тренировки, но у меня они тихие. Пару раз уроню на голову, руку или ногу прихвачу покрепче, так весь гонор в форточку вылетает. Физически они, даже качки, бойцы хреновые.

– В разговоре контактите, ты их обезьяний язык понимаешь?

– Запросто. У них для меня подходящий закон: кто сильнее, тот и прав, – ответил Тулин.

– Я хочу, чтобы ты в одну молодежную группировку залез и подстраховал меня изнутри. Ты как?

– Без восторга, но, коли надо, сделаем. Ножи, цепочки, пистолетики?

– Видимо, не без этого, но тут важно другое. В момент твоего сближения, пока я операцию готовить буду, важно, чтобы ты не испачкался. А это очень сложно, они чистеньких не любят и с такими людьми стараются не контактировать.

– Ясное дело, нужна легенда, – сказал Тулин. – Коли я с ними на преступление не пошел, необходимо железное объяснение.

– Ну, если ты в процессе подготовки кого из них изувечишь, мы глаза закроем. К тому же я тебе справочку выдам, что за нанесение тяжких повреждений ты осужден на три года условно. Потому легенда у тебя простая: над тобой срок висит, и рисковать ты готов лишь из-за больших денег. А палатка, прохожий тебе не годятся, согласен?

– Господа офицеры, стол накрыт, извольте отужинать, – весело заявил подошедший Станислав.

– Соизволим? – спросил Гуров, подтолкнул афганца в сторону кухни, сам зашел в ванную, вымыл руки.

Они сели за стол, молча выпили по стопке водки, перебрасываясь незначительными репликами, съели скромный ужин. Тулин вытер губы салфеткой и сказал:

– Я вас понял, Лев Иванович, задание выполнимо, но я не пойму, зачем мне ввязываться! Пацаны, они ни с чето убить могут.

– Это точно, – ответил Гуров. – Только мне операцию провести необходимо, а лучше тебя у меня человека нет.

– За комплимент спасибо. – Тулин слегка согнул вилку, выпрямил, бросил на стол. – Одно плохо, я у вас не в штате.

– Потому и спрашиваю, был бы в штате, приказал бы и водкой не поил.

Гуров видел, как осунулся Станислав, улыбочка исчезла, значит, сердится и негодует именно на него, Гурова.

– В какой район двигать, за что зацепиться? – спросил Тулин.

Гуров назвал рынок и мастерскую Хромого, дал приметы Бестаева и адрес ресторана «Фиалка».

– Хорошо, буду звонить, – Тулин поднялся и сразу ушел.

Гуров молчал, уверенный, Станислав выскажется без понукания. Тот мыл посуду, спросил:

– Мария где, снова сцепились?

– Они мирно и в хорошем настроении отбыли на съемки. Обещали к апрелю вернуться. Станислав, ты ныряй, здесь неглубоко. – Гуров тихо рассмеялся.

– Не могу я тебя понять, Лев Иванович. – Станислав взял полотенце, а Гуров налил еще по стопке водки и довольным тоном сказал:

– Естественно, дорогой, ты ведь меня мало знаешь. Вот и познакомимся поближе, начнешь понимать. Всему свое время.

Глава 2

– Молодец, Агеев, садитесь, отлично, – сказала пожилая, аккуратно одетая, старомодно причесанная преподавательница литературы, делая отметку в журнале. – Не знаю, как у вас по другим предметам, а у меня вы номер один на золотую медаль.

– Толик других медалей и не берет, – сказал кто-то из класса.

– Важно, что вы имеете собственную точку зрения, а не пересказываете старый учебник или последнюю критическую статью из «Литературки». Я во многом с вами не согласна, но это и замечательно. Вы яркая индивидуальность, не становитесь в шеренгу, не подделываетесь. Понимать писателя-современника сложно, отлитых в бронзе форм не существует.

Анатолий Агеев, хорошего роста, атлетического сложения юноша, смотрел на пожилую учительницу серыми в желтизну глазами, терпеливо ждал, когда ему разрешат сесть за парту. Этот хорошо одетый, внешне интеллигентный парень и дал команду стае забить ногами отставного полковника, сам Агеев распорол ножом верного, но беззащитного пуделя.

Он родился, вырос и жил, как говорится, в абсолютно благополучной семье.

Мама – кандидат математических наук, преподаватель в институте, отец при большевиках был партийным функционером среднего уровня, сегодня трудился на ниве приватизации, внедрял новые методы хозяйствования, поддерживая старых товарищей по партии, делал все от себя зависящее, чтобы методы руководства оставались незыблемыми.

Семья изначально жила в достатке, они не были миллионерами, но жили ни в чем себе не отказывая. Толик учился отлично, занимался спортом, являлся врожденным лидером, брал у отца деньги умеренно, никогда их не просил, клал купюры в карман снисходительно, так как имел свой источник дохода, как и свою, совершенно иную жизнь, не известную в школе и дома.

Он был негласным лидером крупной преступной группировки, состоявшей из ровесников, парней на год-два старше, не более.

В детстве он, как и многие ровесники, зачитывался Джеком Лондоном, но воспринимал его по-своему. Толика восхищали не мужество, бескорыстие и честность героев, а лишь их сила. Толик был душевным дальтоником, воспринимал все в одном цвете, иные расцветки и нюансы его не волновали. Сила.

Она и только она определяет все. Родись Толик в другой стране и в иное время, из него получился бы идеальный гестаповец.

Однажды он услышал по телевизору рассказ о семинаристском прошлом товарища Сталина. Журналист поведал о многих душевных и духовных недостатках бывшего вождя народов и рассказал легенду: в юности Сосо любил сдирать с живых кошек шкуру. Делал он это для того, чтобы воспитать волю и закалить характер.

Толик был потрясен: Сталин? Которого боялся весь мир? И такое? И вдруг понял, что в основе мирового страха как раз и была несчастная, ободранная заживо киска. Только почему «несчастливая»? Разве полагали несчастными древние народы тех животных, которых приносили в жертву?

Первую кошку Толик убил, содрогаясь от ужаса и отвращения. Всех последующих – легко и свободно. Когда появлялся претендент на поступление в отряд – его посвящали «свои», поливая кровью трепещущего животного. Однажды Толик приказал изловить сразу десять кошек, их убили, отрезанные головы воткнули на палки, а палки поставили в урны на улице Горького: у Театра юного зрителя, Ермоловой, у магазинов. Юнцы с восторгом наблюдали, как бледнеют прохожие, отворачиваясь в ужасе. Одна дамочка даже грохнулась замертво, вызвали «скорую» и увезли недвижимое тело.

«Вот так, геноссен, – сказал тогда Толик. – Сегодня мы преподнесли себе и другим урок: каждый, кто пойдет против нас, – будет сначала дергаться, а потом его голову наденут на палку и вставят в урну в назидание слабакам».

Здесь зашел разговор о том, что сегодня по всей Москве действуют группировки вполне взрослые, вооруженные автоматами и пистолетами, и с ними, мол, не тягаться. Толик обвел соратников усмешливым взглядом и сказал: «Первое поручение вам всем. Найти и проследить любого крутого, из числа шестерок, чтобы без охраны».

Такого нашли через несколько дней – качок по кличке Гнилой состоял в группе Кольца-того, те «обслуживали» Серпуховской рынок. Гнилого выследили и однажды под вечер проводили до дома.

На лестнице уже ждали – сразу человек десять. Гнилой даже не успел выдернуть из кобуры свой «тэтэшник» – повалили, стали бить ногами, от души.

Потом Толик лично вынул из кармана бритву, морщась, отрезал голову. Ее надели на палку и вставили в урну, стоящую у дома.

Две или три женщины из числа соседок заметили происходящее, и, видя беспокойство сотоварищей, Толик процедил сквозь губу: «Они теперь моют жопы в ванной, потому как обкакались, и в милицию не позвонят. Людишки трусы и сволочь от рождения, и всякий, кто готов им вставить, – победит всех».

Вы одолели свой страх. Теперь победа за нами, потому что не „Калашников“ ее дает, а тихое умение без слез завалить любого». Братва согласно закивала и с пением любимой песенки вожака «Нам нет преград на море и на суше» удалилась.

Милиция дела, естественно, не раскрыла, Толик посмеивался: «Менты имеют вместо голов – яйца, а вместо мозга – приказ начальника. Кто со мною – не пропадет!».

Ребята смотрели на Толика Агеева как на вождя, слушались беспрекословно. Абсолютное большинство «солдат» были несравненно ниже его как интеллектуально, так и физически. Он много тренировался, стал неплохим боксером, но собственную силу, ловкость и мастерство демонстрировал редко. Он был вождь, которому не пристало опускаться до рукоприкладства. Он и командиром отряда назначил одного из приятелей. Агеев был умница, его не прельщали регалии, он довольствовался реальной безграничной властью.

В группировке состояло несколько дебилов, ребят умственно отсталых, Толик к ним относился ровно и безразлично, не разрешал товарищам неполноценных обижать, за что последние его боготворили, шевельни Толик пальцем, дебилы не руками, так зубами готовы были разорвать любого. С ближайшим окружением из пяти-шести человек Агеев порой проводил «политзанятия». Раньше, позже мы столкнемся с «мужиками». Так он называл группировку Капитана, Николая Иванова, курирующего район, являясь «крышей» для коммерсантов средней руки. Тогда, говорил Толик, нам понадобятся роботы-бойцы. Вы ведь не хотите вешать на себя статью УК и ждать гостей из ментовки? И я не желаю, так умолкните, ведите себя как приказано, и, обращаясь к «командиру», ласково спрашивал: «Я верно говорю, Саня?» Тот согласно кивал, «политчас» заканчивался.

И деньги для отряда добывали рядовые и ребята чуть сообразительнее. Они грабили прохожих и стоявшие на отшибе магазины и с гордостью вручали добычу Агееву, который делил доходы среди личного состава «по справедливости».

Недоумки-исполнители были довольны, считая, что им повезло. С рождения, еще ползая в пьяных подвалах, получая подзатыльники от похмельных родителей и иных людей, забавлявшихся от скуки, парни почувствовали себя равноправными членами некоего сообщества. У некоторых из них появилось чувство самоуважения, появились проблески дремавшего от рождения разума. Они, подражая вождю, начали прилично одеваться, дошло до того, что отдельные индивидуумы перестали брить головы, начали захаживать в парикмахерские.

Употреблять спиртное Агеев разрешал, наркотики запрещал напрочь. Провинившихся избивали, порой и вождь снисходил, опускал свой железный кулак на челюсть неразумного. Толику подобные случаи были противны, но Акела время от времени должен был доказывать свою силу, демонстрируя, что он не только умнее, но и физически сильнее остальных членов стаи. Человек, замеченный повторно в употреблении наркотиков, из отряда изгонялся, а так как жил он в том же районе и каждый мог ему вломить так, что мало не покажется, то через месяц-другой парень приползал на брюхе, просил пощады, и его брали с испытательным сроком. Многие из членов группировки обращались за помощью к врачам, зашивались или кодировались. В общем, дисциплине, которую установил в отряде Толик Агеев, могли бы позавидовать военачальники.

А факт, что некоторые из бойцов ходили который год под статьей, являлся фактом их биографии и Толика не волновал.

В тот вечер десяток избранных, пятеро рядовых и сам Агеев ужинали в «Фиалке». Толик общих застолий не любил, так что они занимали четыре стоявших порознь стола. Но ресторан посещали в основном завсегдатаи, они знали, кто эти молодые, с виду безобидные ребята, и сторонились, стараясь занять столик от пацанов подальше. Узнав о прибытии «дорогих» гостей, в залу вышел хозяин Семен Васильевич Фролов, в смокинге, галстук-бабочке под жилистым подбородком, обошел залу, раскланиваясь со знакомыми, интересуясь, как понравилось то или иное блюдо, хороша ли водка «Довгань», которую он закупил, или следует поискать иную и какую именно. Даже солидным умным мужикам обходительность хозяина очень нравилась.

Хозяин знал, кто в действительности руководит бандой, но коли Толик Агеев желает держаться в тени – его воля.

Фролов остановился у столика «командира», спросил:

– Жалобы, пожелания, молодые люди? Саня, как сегодня настроение, мебель, посуда, зеркала не раздражают? Мне не придется завтра заказывать новые?

– Уважаемый Семен Васильевич, вы нас с кем-то путаете. – Саня поднялся, выпил рюмку водки. – Мы мирные деликатные люди.

– Приятно слышать. – Хозяин натянуто улыбнулся, отправился в свой кабинет, позвонил Капитану Иванову.

– Николай, у меня десяток пацанов-беспредельщиков расселись, пришли своих, требуется взять ситуацию под контроль.

– Семен Васильевич, ты прав абсолютно, – ответил Капитан, – только у меня все ребята на выездах. Но один экипаж я тебе пришлю, пусть пацаны знают, что хоть один «Калашников» на них имеется. – Фролов положил трубку и подумал, что только «Калашникова» в ресторане и не хватает. Спрашивается, за что он Капитану платит деньги, если ему, чтобы утихомирить группу пацанов, необходимо стрелять в зале, портить интерьер, бить посуду, отпугивать клиентов? Что, с сопляками нельзя выяснить отношения в другом месте?

Не укладывать трупы в ресторане, который он охраняет, не крушить, не ломать?

Капитан выслал экипаж, а в это время в ресторан вошел Георгий Тулин.

Лайковая куртка плотно обтягивала его широкие плечи, черные отутюженные брюки, сверкающие ботинки придавали вид крутого мафиози. Обветренное, посеченное двумя небольшими шрамами лицо и отсутствующий, равнодушный взгляд завершали портрет мужчины, с которым лучше жить в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.